

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССІ.

1904.
ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л ь С Т В Е Н Н ы я Р А С П О Р Я Ж Е Н І я .

I. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. просв.	43
II. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	101
III. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	103
IV. Опрежденія ученаго комитета мин. нар. пр.	124
V. Опрежденія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. . .	126
VI. Опрежденія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техни- ческому и профессиональному образованію	137
Открытіе училищъ	138
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія . . .	138
В. М. Истринъ. Изъ области древне-русской литературы. IV (продолженіе).	257
И. И. Соловейчикъ. О значеніи загадочныхъ словъ: Манн, Фе- кель, Фаресъ въ книгѣ Даніила	295
И. А. Джаваховъ. Къ исторіи церковныхъ реформъ въ древней Грузіи	358
М. И. Каринскій. Разногласіе въ школахъ новаго эмпиризма по вопросу объ истинахъ самоочевидныхъ (продолженіе)	373
А. Н. Веселовскій. Къ вопросу о родинѣ легенды о св. Граалѣ .	395
И. Н. Дурново. Одинъ изъ источниковъ Отоглава	454

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

I. М. Кулишеръ. <i>Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. I. Die Ge- nesis des Kapitalismus. B. II. Die Theorie der kapitalisti- schen Entwicklung. Leipzig. 1902.</i>	457
В. И. Чернышевъ. Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. С.-Пб. 1903	472
В. К. Поржезинскій. Отвѣтъ академику и профессору А. И. Собо- левскому	475
А. И. Соболевскій. Забѣтка на „Отвѣтъ“ В. К. Поржезинскаго . .	481
— Близкія новости	482

См. 3-ю стр. обложки.

КЪ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНЫХЪ РЕФОРМЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ.

(Георгій Аеонскій).

I.

Среди изслѣдователей исторіи церковной и религіозной жизни христіанскихъ народовъ давно уже установилось мнѣніе, будто съ окончаніемъ иконоборческаго спора и возстановленіемъ ортодоксін восточно-христіанская церковная жизнь приняла стереотипныя формы и замерла, тогда какъ на Западѣ постоянно шла борьба за религіозные идеалы, борьба за реформы церкви, усваивавшей средневѣковыя, феодальныя институты и становившейся аристократическимъ учрежденіемъ. Тамъ, на Западѣ, монашество и общество выступало за свободу церкви, за чистоту нравовъ, боролось съ симоніей и аристократическимъ стремъ высшаго духовенства, здѣсь, на Востокѣ, уже съ начала X вѣка монашество было индифферентно ко всему происходившему въ жизни, оно перестало уже играть роль въ исторіи. Подобный взглядъ держится, мнѣ кажется, только благодаря тому, что исторія восточныхъ церквей, въ особенности грузинской, армянской и сирійской, въ частности исторія монашества и религіозно-общественныхъ теченій еще очень мало изучена. Болѣе близкое знакомство съ исторіей всѣхъ восточныхъ церквей, болѣе внимательное изученіе соотвѣтствующихъ памятниковъ представлятъ изслѣдователю если не тождественную, то по крайней мѣрѣ подобную же картину борьбы за религіозно-нравственныя идеалы, за реформы духовной іерархіи, за демократизацію церкви.

Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ Грузіи, *одна изъ моментовъ реформаціоннаго движенія церкви которой и будетъ представлять ниже.*

Грузинская церковь, какъ и армянская въ древній періодъ ея существованія, своимъ строго выдержаннымъ сословнымъ строемъ и характеромъ какъ высшаго, такъ и низшаго духовенства напоминаетъ болѣе римскую, чѣмъ византійскую церковь; начинала отъ священника, кончилась епископами и католикосомъ, всѣ принадлежали къ аристократии,—только лица дворянскаго происхожденія ¹⁾ могли мечтать о духовной дѣятельности; въ „Картлисъ Цховреба“ начало такой аристократизации высшаго духовенства приурочено къ VI вѣку, царствованію Фарасмана (542—557 гг.), съ какого времени уже „перестали призывать католикоса изъ Греціи, а сами грузины, (члены) передовыхъ фамилій стали занимать (патріаршіи престолы)“ (редакція и. Марія изд. Такайшвили, 187.; *Картлисъ Цховреба*, изд. З. Чичинадзе, стр. 215). Было ли это дѣйствительно такъ, получило ли привилегированное сословіе исключительное право занимать высшій духовный санъ въ странѣ именно съ момента, указанного лѣтописью, или совершилось это позже, сказать точно, при современномъ состояніи изученія нашихъ источниковъ, невозможно.

Характерно, во всякомъ случаѣ, то, что начиная съ VII вѣка вплоть до XI вѣка, всѣ святые мученики и учителя грузинской церкви, за исключеніемъ одного, — Або, араба по происхожденію, принадлежали къ высшему сословію: житія Давида и Константина, царя Арчила, Константина правителя (эристава), Григорія Хандзійскаго ²⁾, Пларіона Грузина, Гоброна, Іоанна и Евоимія афонскихъ ясно указываютъ на это. Къ девятому вѣку, во всякомъ случаѣ, аристократическій, сословный строй грузинскаго духовенства настолько установился и окрепъ, что имъ было проникнуто все мышленіе, всѣ идеалы лучшихъ представителей тогдашней церкви — духовныхъ писателей. Это прекрасно видно изъ того факта, что въ VIII—IX вѣкахъ, при редактированіи житія св. Нины писателемъ даже просвѣтительницѣ Грузіи было приписано знатное происхожденіе, тогда какъ всѣ древнѣйшіе источники скорѣе указываютъ на обратное (П. Джаваховъ. Проповѣди дѣят. ап. Андрея и св. Нины. *Журналъ Министерства Народнаго*

¹⁾ Г. Д. Карачавили ошибается, когда утверждаетъ, что священники и діаконы въ Грузіи были преимущественно изъ крестьянскаго сословія (*„Грузія въ XII столѣтіи“* на грузинскомъ языкѣ, стр. 17).

²⁾ Считавшеся утеряннымъ житіе Григорія Хандзійскаго открыто профессоромъ Н. Я. Марромъ въ Іерусалимѣ и сфотографировано. Благодаря любезности Н. Я. Марра я получилъ возможность ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ до его напечатанія.

Просвѣщенія 1901 г. № 1, стр. 88—91). Редакторъ житія былъ настолько проникнутъ аристократическимъ строемъ и происхожденіемъ современнаго ему духовенства, что отецъ и дядя Нипы могли рисоваться ему только въ образъ высшаго государственнаго сановника и іерарха церкви; современность заставляла его, очевидно, представлять аристократическій строй даже въ древней церкви.

Въ одиннадцатомъ вѣкѣ мы уже застаемъ въ церкви такіе порядки, что даже въ діаконы и въ священники не могли быть посвящаемы вольноотпущенники и крѣпостные; нарушеніе этого принципа считалось неслыханнымъ событіемъ, дѣломъ необычайнымъ (см. изд. церковн. музея грузин. экзархата *Житіе Георгія Святогора*, стр. 326)!..

Исключительно аристократическое происхожденіе грузинскаго духовенства, конечно, не могло не отразиться вредно на его характерѣ и направленіи. Іерархи переносили свои сословныя понятія и привычки въ церковныя отношенія и среду. Симонія давала возможность получить епископскій санъ наиболѣе богатымъ членамъ знатныхъ родовъ. Какъ духовные іерархи, они владѣли большими церковными имуществами, крѣпостями, имѣли своихъ „людей“, свою рать, которую въ случаѣ необходимости могли выставить противъ враговъ. У нихъ, однимъ словомъ, была не только духовная власть, но и свѣтская. Они принимали активное участіе въ политическихъ дѣлахъ и находились то въ рядахъ феодаловъ, сражавшихся съ царемъ, то въ рядахъ сторонниковъ монарха.

Когда, напримѣръ, феодалы измѣнили царю Баграту и перешли на сторону византійскаго императора Василя, сдавъ послѣднему всѣ свои крѣпости, то „Савва, епископъ тбетскій, построилъ крѣпость близъ церкви Тбети и назвалъ ее „Свети“ (Столпъ). Онъ собралъ тогда „народъ“ (срѣ=воинство или народъ) свой и вошелъ въ нее самъ Савва, епископъ тбетскій, Ездра, епископъ анчіискій, и шавшетскіе дворяне и укрѣпились въ ней“ (см. *Хронику Сузбата*, изд. Е. Такайшвили, стр. 76, сравни русскій переводъ его же въ *Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа*, XXVIII в., стр. 175). Соединенныя силы грековъ и отпавшихъ феодаловъ упорно осаждали епископовъ съ ихъ людьми, но „Богъ, говоритъ историкъ, укрѣпилъ находившихся въ той (крѣпости) „Свети“, и они, какъ преданные и истинные мученики Божьи, готовы были идти на смерть и пожертвовать собою ради своихъ земныхъ (собственно тѣлесныхъ) владыкъ“ (ibid. 77, сравни. ibid. 175).

Въ царствованіе того же Баграта возсталъ неутомимый феодалъ

Липарить и началъ вести свою обычную опустошительную кампанію: вывелъ изъ города Ани правителей Баграта и захватилъ ихъ всѣхъ въ плѣнъ; царь послѣшшо направился на своего непокорнаго вассала. „Тогда, говоритъ грузинскій историкъ, вывелъ месховъ благодаря богатству ацкурскій (епископъ) на помощь Баграту, который стоялъ (въ оригиналѣ наст. в.) въ Хртила. Липарить же собралъ кахетинцевъ и подошелъ къ Похта. Но (издругъ) ацкурскій (епископъ) бѣжалъ отъ царя Баграта и соединился (соб. сговорился) съ Липаритомъ“ (*Картлис Цховреба*, изд. Чичинадзе, стр. 326).

Еще въ первые годы вступленія этого монарха на престолъ епископъ Ваня Іоанишъ, вмѣстѣ съ другими дворянами области Тао, отложился и перешли на сторону византийскаго императора (см. *Картлис Цховреба*, изд. Чичинадзе, 317 и *Хроника Сумбата*, 75). Такимъ образомъ епископы не довольствовались духовной сферой вліянія и съ оружіемъ въ рукахъ старались выразить свои симпатіи и антипатіи. Воплотивъ понятію, что при такомъ положеніи дѣлъ духовенство не могло исполнять своихъ прямыхъ обязанностей, оно не могло стоять выше мѣстныхъ, сословныхъ или фамильныхъ предразсудковъ, оно не въ состояніи было являться примирителемъ враждующихъ и проводить въ жизни правила христіанской морали. Церковь постепенно отдалялась отъ народа и переставала выполнять свое непосредственное назначеніе. Но была въ Грузіи личность, которая возстала противъ такого состоянія церкви и требовала отъ духовенства осуществленія въ жизни заповѣдей Христа.

Это былъ извѣстный ученый монахъ Георгій Лоосскій, или, какъ его чаще называютъ, Святогорецъ; до послѣдняго времени изслѣдователи касались исключительно его выдающихся литературныхъ заслугъ, между тѣмъ какъ совершенно упускалась изъ виду великая *реформаторская* дѣятельность этого выдающагося чловѣка; и онъ также происходилъ изъ знатнаго рода; отецъ его, Іаковъ, былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ сановниковъ царя Георгія I, которымъ онъ былъ отправленъ съ дипломатической миссіей въ Персію. Выполнивъ успѣшно свою задачу, Іаковъ вернулся на родину и женился; отъ этого брака родился Георгій; когда мальчику исполнилось семь лѣтъ, родители, согласно данному обѣту, отослали его въ женскій монастырь Тадзриси, гдѣ воспитывалась и его старшая сестра; тамъ пробылъ мальчикъ три года и обучался священному писанію, послѣ чего его взяли на воспитаніе въ монастырь Хахули его двое дядей; посовѣтовавшись съ передовыми людьми того времени, дяди

рѣшили отдать маленькаго Георгія на обученіе извѣстному тогда богослову Иларіону Туалелі. Спустя немного времени, одинъ изъ дядей мальчика поѣхалъ вмѣстѣ съ феодаломъ Ферисомъ, сыномъ Джорджиа, въ Византію и взялъ съ собой своего племянника Георгія; тамъ онъ пробылъ, по словамъ біографа, двѣнадцать лѣтъ, овладѣлъ въ совершенствѣ греческимъ языкомъ и получилъ въ Константинополѣ, подъ руководствомъ „мудрецовъ и риторовъ“, „несвѣтскихъ, богобоязненныхъ монаховъ“, философско-схоластическое образованіе. Когда Георгій вернулся на родину, то уже не засталъ въ живыхъ матери. Повидавшись съ отцомъ, онъ отправился въ своему второму дядѣ, въ Хахульскій монастырь, и двадцатипяти лѣтъ, по словамъ его ученика-біографа, постригся въ монахи (*Житіе*, тифлис. изд., стр. 291). Но тутъ Георгій пробылъ недолго; тайно отъ всѣхъ, бѣжалъ онъ изъ монастыря и прибылъ на Черную Гору; тамъ онъ сталъ ученикомъ извѣстнаго монаха Георгія-Молчальника; тотъ помѣстилъ своего ученика въ монастырѣ св. Романа, гдѣ онъ и провелъ три года. Вскорѣ учитель постригъ Георгія въ схимники и отправилъ въ Палестину поклониться святымъ мѣстамъ. Обѣхавъ Святую землю, Георгій вернулся вповь къ своему наставнику. Тогда Георгій-Молчальникъ посоветовалъ своему ученику приняться за переводческую дѣятельность и закончить такимъ образомъ то, что не успѣлъ сдѣлать св. Евонмія Аеонскій. Георгій долго не рѣшался, но долженъ былъ уступить, наконецъ, настойчивымъ просьбамъ своего учителя и отправиться на Аеонскую гору, въ грузинскій монастырь, гдѣ находились переводныя и редакторскіе труды отца Евонмія. По приходѣ своемъ на Аеонъ, онъ принялся за изученіе всѣхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи Пверскаго монастыря (*ibid.*, 299); взявъ за образецъ Евонмія, онъ началъ вести строгую, аскетическую и трудовую жизнь. На Аеонѣ всѣ обратили на него вниманіе; вскорѣ онъ былъ посвященъ во священники, деканы и регенты хора. Съ этого момента Георгій принялся за переводческую дѣятельность; предварительное знакомство съ трудами предшественниковъ облегчило ему, конечно, выполненіе намѣченной задачи; онъ зналъ, въ какомъ направленіи была начата работа, зналъ, сколько было выполнено, и могъ ясно представить, что ему еще оставалось сдѣлать. Необходимыя въ этомъ вопросѣ указанія и приблизительный списокъ предстоящихъ переводовъ были, вѣроятно, сообщены Георгію его учителемъ, когда тотъ просилъ его продолжить начатое Евонміемъ дѣло переводовъ и исправленій грузинскихъ литургическихъ памятниковъ. Писательская дѣятельность Георгі-

гія проявилась вслѣдствіе этого въ трехъ видахъ: во-первыхъ, онъ докончилъ переводы тѣхъ произведеній, которые были начаты еще Евѣміемъ, но—то по недостатку времени, то по причинѣ смерти его—остались невыполненными; во-вторыхъ, онъ перевелъ тѣ изъ известныхъ патристическихъ сочиненій, которые до того не имѣлись на грузинскомъ языкѣ, или которые нуждались, по его мнѣнію, въ новомъ переводѣ; въ-третьихъ, онъ сличилъ съ греческими текстами, исправилъ разночтенія, или отступленія, которые ему казались тенденціозными или же случайными искаженіями, и проредактировалъ новозавѣтные памятники, переведенные въ древности съ армянскаго (ibid., 310, 294—295)¹⁾. Политическія гоненія, которымъ подвергся Иверскій монастырь за соучастіе игумена въ заговорѣ противъ императора, трехкратное разграбленіе греками монастырскаго имущества и угрозы объ изгнаніи ихъ съ Аона, заставило грузинъ-монаховъ подумать о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ исторію основанія Иверскаго монастыря и борьбы грековъ съ грузинами и жизнеописаніе знаменитыхъ ктиторовъ: Іоанна, Торникія и Евѣмія, оставили въ назиданіе потомству. Братья и духовные отцы поручили взяться за изложеніе этой исторіи Георгію, и онъ согласился, начавъ, по словамъ его біографа, съ того, что „разпросилъ и разузналъ отъ учениковъ и друзей святаго отца нашего, великаго Евѣмія, о безплотной и сверхчеловѣческой жизни и подвижничествѣ его отца, Іоанна, и другихъ святыхъ монаховъ, а также о построеніи этой великой лавры и объ уставѣ (собственно — распорядкахъ), который имѣлъ святой отецъ

¹⁾ Георгій Сятогорецъ, несмотря на всю присущую ему, по сообщенію біографа, скромность, хорошо сознавалъ и высоко ставилъ достоинства своихъ переводовъ. Изъ одного, не безъ юмора и остроумія написаннаго, посланія къ своему переводу писателю, ясно видно, какъ онъ ревниво относился къ точности своего пронаведенія: „... я умоляю всѣхъ ... которые будете списывать, чтобы вы переписали безъ измѣненія, все такъ же, какъ здѣсь [въ оригиналѣ] найдете, не прибавляйте и не выкидывайте ничего: мы сами все, что слѣдовало, внесли, все, что нужно было [выбросить], выпустили, какъ этого требовали [особенности] нашего языка и приемы работы, ни „и“, ни „либо“ (доп-ани, рамет у) не выкидывайте. Разумному человеку нужно понять, что эти „и“ и „либо“ и намъ были известны, что и [мы знали], могло ли оно или другое какое-либо слово попортить пермюдь [или ибтъ], и что мы не выбросили бы и не уничтожили ихъ [безъ нужды]. Если же кто-либо будетъ недоволенъ нашимъ съ большимъ трудомъ и полной всякой пестриной выполненной работой и будетъ знать къ (каі), или гар (γάρ), или оти (ὅτι), либо Богъ и Господь, да къ тому же будетъ риторомъ или философомъ, тогда пусть онъ надѣе нашимъ трудомъ не мудрствуетъ, а самъ какъ хочетъ переведетъ вновь!“ (М. Джанашидзе, Груз. Литер., 108).

Евонмій" (*ibid.*, 299); онъ перелисталъ всѣ книги, написанныя Иоанномъ и знаменитымъ сыномъ его, перечиталъ всѣ записи, которыя могли дать интересныя свѣдѣнія для составленія ихъ біографіи и очерка литературной дѣятельности (*Житіе Иоанна и Евонмія*, изд. Тифлис., стр. 4, 18, 30) и только послѣ этого началъ онъ писать порученное сочиненіе; оно дошло до насъ въ рукописи, писанной восемь лѣтъ спустя послѣ смерти автора. Этотъ памятникъ, какъ по своимъ историческимъ достоинствамъ и богатству собраннаго въ немъ матеріала о монашеской жизни на Леонѣ, такъ вслѣдствіе своихъ литературныхъ качествъ можетъ сдѣлать честь любой литературѣ.

Эта работа была какъ бы подготовкой для дальнѣйшей дѣятельности Георгія; его высокія духовныя качества, необыкновенная эрудиція въ области церковной литературы, заставляли обращать взоры всѣхъ грузинъ-монаховъ на него; и, какъ лучшій представитель, онъ былъ выбранъ единогласно въ игумены Иверской лавры (*Житіе Георгія*, *ibid.*, 298). По вступленіи въ отправление своихъ обязанностей, онъ прежде всего постарался возстановить уставъ, данный монастырю св. Евонміемъ, и „такимъ образомъ, говоритъ біографъ, онъ ревностно пошелъ по стопамъ святого отца нашего Евонмія и всѣ его правила и каноны и установленія такъ возлюбилъ, какъ если бы они исходили изъ устъ Бога и были утверждены святыми апостолами“ (*ibid.*, 299). Этотъ уставъ не дѣйствовалъ уже со временъ игумена Георгія, бывшаго непосредственно послѣ Евонмія игуменомъ Иверскаго монастыря и желавшаго ввести свои правила (*Житіе Иоанна и Евонмія*, *ibid.*, стр. 59).

При составленіи жизнеописанія знаменитыхъ ктиторовъ Иверскаго монастыря, Георгій Святогорецъ имѣлъ случай хорошо изучить уставъ Евонмія и оцѣнить по достоинству его хорошія стороны. Главныя черты этого устава заключались въ проведеніи полного равенства всѣхъ монаховъ и христіанско-общественныхъ началъ въ жизни. Многіе изъ людей знатныхъ или состоятельныхъ, которые приходили въ монастырь постричься, принося съ собою большое имущество, и тѣмъ не менѣе не оставляли своихъ прежнихъ наклонностей и привычекъ, получали, послѣ кратковременнаго испытанія, отказъ въ постриженіи и въ пребываніи въ обители. „Простите, говорилъ въ такихъ случаяхъ отецъ Евонмій, мы васъ не можемъ постричь; вы — люди именитые, а мы — люди бѣдные и странники (въ духовномъ смыслѣ); разъ вы дадите деньги церкви, то вы захотите жить такъ, чтобы васъ не тревожили (собственно — жить спокойно), а мы, быть можетъ,

не сможемъ не побезпокоить, и вамъ будетъ потомъ тяжело, да и всѣмъ братьямъ..." (*Житіе Іоанна и Евѣмія*, *ibid.*, 45, 46). Только тѣ изъ знати, которые могли подчиниться требованіямъ монастырскаго устава, получали охотно разрѣшеніе остаться въ монастырѣ (*ibid.*, 46, 47, 52). Людей же незнатнаго происхожденія, но трудолюбивыхъ, онъ принималъ съ удовольствіемъ, говоря: „Лучше принимать такихъ, чѣмъ того, который далъ бы мнѣ [для монастыря] тысячу драхмъ“ (*ibid.*, 46).

Имѣть частную собственность было строго запрещено монахамъ, ни покупать, ни продавать, что бы то ни было, безъ соизволенія на то игумена не разрѣшалось; даже платье и облаченіе и то не должно было считаться собственностью одного лица, имъ могли пользоваться и другіе братья въ случаѣ надобности. Однажды отецъ Евѣмій предложилъ какому-то діакону одѣть чужое облаченіе, висѣвшее въ церкви; оно принадлежало одному архидакону знатнаго происхожденія, сдѣлавшему большой вкладъ въ монастырь. Это облаченіе было заказано имъ для себя только, и онъ не хотѣлъ, чтобы кто-либо другой пользовался имъ; первый діаконовъ, которому всѣ эти обстоятельства были хорошо извѣстны, во избѣжаніе неспрїятностей, отказался исполнить повелѣніе игумена, при чемъ онъ объяснилъ и причину своего неповиновенія. Тогда отецъ Евѣмій позвалъ къ себѣ архидакона и спросилъ, желаетъ ли онъ, чтобы кто-нибудь изъ его духовной братіи одѣлъ его облаченіе и совершилъ съ нимъ вмѣстѣ богослуженіе? Евѣмій замѣтилъ по выраженію лица его, что тому было это не особенно прїятно. По окончаніи службы Евѣмій спросилъ архидакона: „Скажи правду, что же ты оставилъ въ міру?“—„Не безизвѣстно, святой отецъ, твоему достоинству“, отвѣтилъ архидаконовъ, „что я оставилъ родителей, братьевъ и не мало имущества и благопріобрѣтеннаго, а сколько я передалъ въ твои святые руки, тебѣ самому извѣстно...“ Евѣмій заставилъ принести огонь, сжегъ облаченіе, сказавъ, что обыкновенно говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ: „Намъ заповѣдано душу свѣю положить за братьевъ своихъ, а ты эту тлѣнную вещь предпочитаешь брату своему!..“ (*ibid.*, 43—44).

Вся братія, наконецъ, должна была принимать участіе въ различныхъ полевыхъ, садовыхъ и другихъ хозяйственныхъ работахъ. Самъ игуменъ первый подавалъ примѣръ и всегда, когда ему позволяло время, принималъ участіе въ полевыхъ работахъ (*ibid.*, 45, 47—48, 50).

Вотъ основныя черты устава отца Евониміа, который былъ восстановленъ Георгіемъ при вступленіи его въ игуменство.

Административная дѣятельность отнимала у него очень много времени: хожденіе въ Константинополь для ходатайствъ по монастырскимъ дѣламъ, объ имущественныхъ вопросахъ лавры и испрашиваніи хрисовуловъ (*Ж. Георгіа, ibid., 302, 303*), участіе въ Протатѣ ¹⁾ и, наконецъ, ежедневныя заботы о духовной братіи постоянно отвлекали Георгіа отъ литературныхъ занятій. Онъ видѣлъ, что совмѣщеніе невозможно, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ игуменства рѣшилъ оставить свою должность, чтобы вновь приняться за писательскую дѣятельность (*ibid., 307*). Свое рѣшеніе, несмотря на усердныя мольбы братіи, привелъ онъ въ исполненіе вскорѣ, — оставилъ игуменство, взявъ отпускную грамоту отъ императора и отправился на Черную Гору (*ibid., 308*). Но до прибытія туда Георгію пришлось побывать въ Палестинѣ, чтобы исполнить порученіе матери царя Баграта IV, раздать деньги монастырямъ въ святой землѣ; вернувшись съ поѣздки, Георгій прибылъ на Черную гору къ своему учителю и предался литературной дѣятельности. Слава объ его высокихъ подвигахъ, выдающейся эрудиціи и переводныхъ трудахъ быстро распространилась по всемъ грузинскимъ монастырямъ, находившимся въ Палестинѣ, Антиохіи и въ самой Грузіи. Его переводы во множествѣ списковъ распространялись по обителямъ, бывшимъ за предѣлами Кавказа (*ibid., 310, 316*), хотя и изъ Грузіи уже многія частныя лица заказывали для себя копіи съ его произведеній (*ibid., 311, 316*); ученики съ различныхъ мѣстъ Грузіи стекались къ нему, получали духовное образованіе и возвращались обратно на родину, гдѣ посвящали себя монастырскому служенію (*ibid., 296, 320, 328, 330*).

Еще въ бытность свою въ Константинополѣ царь Багратъ IV предложилъ ему занять Чкондидскую кафедру, — лучшую изъ всѣхъ епархій въ Грузіи, — которая въ то время оставалась вакантною; но тотъ на отрѣзъ отказался взять на себя церковно-административныя обязанности (*ibid., 305*). Когда же Георгій закончилъ свою переводческую дѣятельность, то царь опять послалъ къ нему изъ Грузіи приглашеніе, пріѣхать на родину и распространить въ церквахъ свои новые переводы (*ibid., 316, 317*). „Тамъ, писалъ царь Георгію, на Черной Горѣ нашихъ монастырей мало, такъ какъ страна чужая, — а мое царство обширно, велико и возвышенно (соб. высоко), въ немъ

¹⁾ Протатъ находился въ Карѣ.

очень много прославленныхъ епископскихъ церквей и монастырей; такъ да убѣдитъ Богъ вашу святость, чтобы вы изволили побезпокоиться и мы получили бы отъ васъ благословленіе и просвѣтились, а также дабы наши церкви наполнились рѣками вашихъ боговдохновенныхъ книгъ, оживляющихъ души“ (ibid., 317).

Георгій согласился и сообщилъ объ этомъ царю Баграту, который съ радостью выслалъ одного посланца съ доньгами и необходимыми письмами къ антиохійскому патриарху и мѣстному правителю, чтобы Георгію было дано позволеніе выѣхать на родину (ibid., 317). Взявъ благословеніе отъ своего учителя, Георгій вмѣстѣ съ однимъ своимъ ученикомъ осенью 1060 года пустился въ путь. Послѣ долгаго и затруднительнаго путешествія они достигли города Потн, откуда впрочемъ доѣхали до Кутаиса.

Царь, духовенство и вельможи приняли ученаго монаха съ большимъ почетомъ. Отъ Кутаиса до Карталиніи, гдѣ въ то время находился царь, сопровождалъ его кутаисскій епископъ Иларіонъ, а придворные и архипастыри выѣхали по приказанію царя навстрѣчу. Пріемъ былъ блестящій, хотя время было тогда въ Грузіи тяжелое: уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствовалъ сильный голодъ; даже въ моментъ пріѣзда Георгія, несмотря на то, что голодъ уже стихалъ (ibid., 326), „можно было видѣть, рассказываетъ намъ очевидецъ, какъ нечистые, запрещенные христіанамъ (предметы) для ѣды считались великимъ даромъ“ ..., „желанныя и любимыя дѣти, которыхъ родители съ мольбой выпросили у Бога, становились для нихъ предметомъ огорченія и ненависти“... (ibid., 325). Много народу погибло,—да и тѣ, „которые перенесли это ужасное зло и едва избавились отъ голодной смерти..., жили въ большомъ бѣдствіи и находились между жизнью и смертью“ (ibid., 325—326).

Въ ужасномъ положеніи засталъ Георгій своихъ двухъ племянниковъ; ему пришлось ихъ приютить; но не ихъ однихъ,—со всѣхъ сторонъ стекались къ нему голодающіе, одни приводили дѣтми и умоляли Георгія взять ихъ, другіе приходили, оставляли малышей у его дома, а сами бѣжали оттуда (ibid., 326). Такое потрясающее зрѣлище, такія ужасныя картины пришлось видѣть великому отшельнику съ первыхъ же дней своего пріѣзда въ Грузію.

Онъ былъ такъ подавленъ несчастіями, ему было такъ тяжело, что онъ часто плакалъ, восклицая: „Увы мнѣ, зачѣмъ пришелъ я въ эту страну, чтобы видѣть подобныя несчастія (собственно множественное число отъ *зло*)!“ (ibid., 326).

Съ отеческой любовью и попеченіемъ пріютилъ онъ несчастныхъ младенцевъ, которыхъ безпомощные родители оставляли на произволъ судьбы; онъ старался облегчить ихъ участь (*ibid.*, 326), кормилъ въ продолженіе пяти лѣтъ и обучалъ ихъ грамотѣ и священному писанію.

Но многимъ ли онъ могъ помочь, развѣ достаточно была его полная самоотверженія благотворительная дѣятельность въ такой серьезный моментъ народнаго бѣдствія?.. Тутъ нужны были соединенныя усилія всѣхъ имущихъ, только тогда возможно было хоть нѣсколько облегчить страданія бѣдствовавшему народу.

Такая помощь населенію могла и должна была быть организована настырями церквей; ихъ духовный авторитетъ былъ достаточно силенъ для того, чтобы вызвать въ нихъ сословіяхъ благотворительность. Между тѣмъ Георгій Святогорецъ видѣлъ, какъ хладнокровно относилось большинство архипастырей къ народному бѣдствію, какъ глухо было оно къ страданіямъ паствы. Одни изъ нихъ въ безграничномъ тщеславіи старались увѣковѣчить свои имена драгоценными украшеніями церковной утвари, большими вкладами въ монастыри, чтобы фамиліи и имена ихъ красовались въ монастырскихъ синодикахъ и передавали потомству объ ихъ заслугахъ передъ святыми обителями (*ibid.* 323), другіе копили просто напросто деньги и богатства для личнаго удовольствія (*ibid.*, 321); а жители, ихъ паства, погибали кругомъ отъ голода!

Но со стороны тогдашнихъ епископовъ большого ожидать нельзя было: симонія, это ужасное общественное зло, продажа высшей властью церковныхъ должностей за деньги, открывала путь къ духовной дѣятельности лицамъ только привилегированнаго сословія и людямъ состоятельнымъ; не природная склонность къ служенію церквей, не влеченіе къ религіозной жизни, но деньги и знатное происхожденіе опредѣляли при такой системѣ выборъ лица на должность епископа (*ibid.*, 321). А кого бы назначилъ священникомъ такой епископъ, если не себѣ подобнаго? а такъ шло сверху до низу все въ одномъ и томъ же духѣ (*ibid.*, 321).

И вотъ Георгій Святогорецъ, послѣдователь принциповъ Еввенія Леонскаго, которые мы теперь назвали бы демократическими, началъ вести смѣлая обвинительныя рѣчи прежде всего противъ того именно, отъ котораго зависѣла продажа епископствъ,—дарю первому пришлось выслушать горькіе укоры имъ же приглашеннаго монаха: „Прежде всего, говоритъ біографъ, онъ паточилъ мечъ обвиненій противъ ца-

рей (pl. majestatis) изъ-за беззаконій; безъ страха, нелицензіятно. Мудро и умно (укорялъ онъ) царя, чтобы тотъ не продавалъ епископствъ людямъ недостойнымъ и неучамъ, во всемъ проникнутымъ мірскимъ и выросшимъ въ непорядкѣ и въ скитаніи, а выбиралъ лицъ, достойныхъ, святыхъ, воспитанныхъ въ монашесствѣ и одобренныхъ боговдохновенными учителями* (ibid., 321). Тутъ въ высшей степени характерно выраженіе „во всемъ проникнутымъ мірскимъ, лицамъ, выросшимъ въ непорядкѣ и скитаніи“—выраженіе, относящееся къ большинству тогдашнихъ епископовъ; очевидно, это были люди изъ феодалской среды, до епископства не прошедшіе серьезно даже монашества, бывшіе духовными лицами только наружно, напоказъ...

Чего же требовалъ Георгій Святогорецъ? — онъ требовалъ, во-первыхъ, назначенія епископами лицъ только изъ дѣйствительно монашескаго званія, во-вторыхъ,—необходимость согласія и одобренія выбора царя со стороны „боговдохновенныхъ учителей“; онъ требовалъ такимъ образомъ уничтоженія симоніи и ограниченія единоличнаго назначенія царемъ епископовъ необходимостью согласія духовныхъ учителей, т. е. приближенія къ требованіямъ церковныхъ канонѳвъ. Обличительныя рѣчи Георгія Святогорца пришлось выслушать и іерархамъ грузинской церкви; онъ укорялъ этихъ духовныхъ князей и увѣщевалъ, чтобы они не совершали рукоположенія по пристрастію и не посвящали бы недостойныхъ во священники... „чтобы не копили себѣ золота и серебра, а больше всего были бы милосердны къ бѣднымъ и немощнымъ“ (ibid., 321). Нашъ знаменитый монахъ пошелъ дальше, предостерегая епископовъ отъ чрезмѣрныхъ затратъ на украшеніе монастырей и соборовъ, въ то время, когда народъ бѣдствуетъ; не это, а помощь страдальцамъ должна была быть по его мнѣнію идеаломъ духовныхъ пастырей. Вотъ что сказалъ, на примѣръ, онъ одному очень богатому и именитому епископу, котораго, по словамъ біографа Георгія, подстрекалъ дѣволъ, „чтобы онъ своими обильными драгоценностями (собственно богатствомъ своихъ драгоценностей) снабжалъ и разукрашалъ церкви, дабы въ монастыряхъ были установлены (на его имя) „агапы“¹⁾, — съ какой цѣлью и сберегалъ онъ свое богатство, а на бѣдныхъ не обращалъ совершенно вниманія.—„Владыко, сказалъ ему Георгій, это есть (ничто иное, какъ) искушеніе врага (борьба дѣвола), съ той цѣлью, чтобы онъ подъ предлогомъ (соб. по причинѣ) (украшенія) церковей и „агаповъ“ убилъ тебя (твоимъ) безсердечнымъ (соб.

¹⁾ Служба объ отпущеніи грѣховъ и поминальная трапеза монахамъ.

въ безсердечномъ) отношеніемъ къ бѣднымъ; вѣдь не говоритъ намъ Богъ, украшайте де церкви, а то, что „я былъ голоденъ и вы меня не накормили!“ (ibid., 323) ¹⁾.

Итакъ, чрезмѣрное увлеченіе великолѣшіемъ церквей,—это искушеніе діавола... искушеніе діавола потому, что Христосъ никогда не говорилъ объ украшеніи церквей и великолѣпннхъ построекъ, любовь къ ближнему, состраданіе къ алчущимъ и жаждущимъ были его одной изъ главныхъ заповѣдей. Тамъ, гдѣ народъ голодалъ, грѣшно было думать и тратить деньги на украшеніе церквей,—такъ училъ нашъ знаменитый подвижникъ. Трудно выбрать болѣе удачный моментъ для отгѣсненія первенства этическихъ заповѣдей въ ученіи Иисуса Христа, трудно ярче противопоставить безжизненный идеалъ средневѣковаго, сословнаго духовенства, видѣвшаго всю суть христіанства во внѣшней формальности, великому жизненному идеалу любви къ ближнему, завѣщанному Иисусомъ Христомъ!

Но Георгій Святогорецъ не ограничился своей ролью обвинителя духовенства, онъ выступилъ самъ въ качествѣ активнаго дѣятеля и реформатора и попытался провести въ грузинской церковной средѣ свои идеалы; онъ рѣшился нарушить аристократическія традиціи грузинскаго духовенства и первый постригъ во священники людей, происходившихъ изъ среды крѣпостныхъ и рабовъ (ibid., 326). Впечатлѣніе было необычайное, „по всему востоку (т. е. Грузія въ устахъ афонскаго писателя), говоритъ биографъ, распространился (слухъ) объ этомъ поразительномъ дѣлѣ“ (ibid., 326). До чего это было необыкновенно, ясно видно изъ того, что еще послѣ смерти Георгія Святогорца его ученикъ-биографъ находилъ нужнымъ разъяснить своимъ читателямъ правильность смѣлаго поступка своего великаго наставника: „Пусть никто не удивляется этому, потому что и патриархъ Іосифъ, который впоследствии сталъ властителемъ (соб. царемъ) Египта, былъ рабомъ, а святость прославляется среди всѣхъ; а Давидъ и Амосъ,— не говоря обо всѣхъ въ отдѣльности, — не пастухами ли были они, между тѣмъ одинъ изъ нихъ сталъ царемъ, а другой—пророкомъ“ (ibid., 326).

¹⁾ Биографъ Георгія сообщаетъ, что эта фраза заимствована изъ Іоанна Златоуста (ibid.). Намъ не удалось установить, откуда именно. Въ данномъ случаѣ важно не то, что эта фраза заимствована, а то обстоятельство, что Георгій Святогорецъ понималъ всю глубину ея и имѣлъ смѣлость напоминать о ней средневѣковому духовенству и обществу.

Что же, собственно, сдѣлалъ Георгій Святгорецъ?—Своимъ смѣлымъ дѣйствіемъ онъ поколебалъ традиціонный строй грузинской церкви, основанный на сословныхъ принципахъ и феодальныхъ институтахъ,— онъ выдвинулъ впередъ значеніе личныхъ, а не сословныхъ достоинствъ и призналъ этимъ право за членами всѣхъ сословій получать духовный санъ, т. е. онъ сдѣлалъ попытку демократизировать грузинскую церковную іерархію. Шагъ для того времени смѣлый, — въ особенности въ Грузіи, гдѣ вся общественная жизнь покоилась на сословномъ строѣ; въдъ и въ Западной Европѣ демократизація церкви и монашества началась только съ XIII вѣка: св. Францискъ первый сдѣлалъ попытку нарушить тамъ аристократическія традиціи римско-католическаго духовенства (А. Harnack. Das Mönchthum. Fünfte Auflage, S. 49, 50).

Пять лѣтъ провелъ Георгій Святгорецъ въ Грузіи въ такой интенсивной работѣ, реформа клира была его мечтой. Его обличительныя рѣчи имѣли вначалѣ, по крайней мѣрѣ, сильное вліяніе; самъ царь, даже католикосъ и многіе епископы, исповѣдывали ему свои грѣхи и каялись (*Житіе Георгія*, *ibid.*, 320); архіепископъ кутанскій Иларіонъ сдѣлался его послѣдователемъ (*ibid.*, 319); народъ массами стекался къ нему, чтобы послушать наставленіе и получить благословеніе отъ него; едва оставалось у него время, чтобы принять пищу (*ibid.*, 321). Послѣ пятилѣтней напряженной дѣятельности Георгій Святгорецъ простился съ царемъ, духовенствомъ и вельможами, взявъ съ собой восемьдесятъ человѣкъ, собранныхъ имъ во время голода, и поѣхалъ обратно на Афонъ, но умеръ на пути, въ Константинополѣ, въ среду (*ibid.*, 336) 29-го іюня (*ibid.*, 347) 1065 года (см. Ф. Жорданія. *Хроники* т. I, 209).

Почему же оставилъ Георгій свою родину и вновь выѣхалъ въ Византію, считалъ ли онъ свое дѣло законченнымъ, или убѣдившись въ силѣ своихъ противниковъ (*ibid.*, 327), счелъ онъ невозможнымъ продолжать свою работу?.. Его біографъ, къ сожалѣнію, не дастъ намъ отвѣта. Ясно только одно, что Георгій Святгорецъ и не могъ брать на себя задачи окончательно реформировать грузинскую церковь; онъ и не могъ задаваться такой мыслью, такъ какъ на это не имѣлъ никакого права, какъ монахъ и бывший игуменъ онъ стоялъ ниже всѣхъ тѣхъ епископовъ, которыхъ онъ такъ рѣзко обличалъ; реформировать церковь и смѣснить іерарховъ могъ только духовный соборъ и никто другой. Великая заслуга Георгія заключается въ томъ именно, что онъ своей обличительной проповѣдью, отгнѣніемъ эти-

ческихъ обязанностей пастырей, требованіемъ демократизаціи духовной іерархіи, подготовилъ почву для церковной реформы, которая была проведена нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ его смерти на Руссо-урбинскомъ церковномъ соборѣ. Своей блестящей проповѣдью, своими смѣлыми дѣйствіями Георгій Святогорецъ положилъ начало великому дѣлу церковныхъ реформъ въ Грузіи.

И. Джавахонъ.
